

В 1943 году мне было 18 лет. Шла война. В нашем селе Бряновы Кусти-чи, находящемся в уголке между Украиной и Белоруссией, на два года установилась немецкая власть. Кстати, именно в нашем селе в первую мировую войну было братание немецких и русских солдат, через Брян-Кусти-чи проходила линия фронта... Но в 1943-м ничего похожего на братание быть не могло...

Мой отец своё отвоевал ещё в «империалистическую», теперь ему было 57 лет, как и до войны, он трудился в кузнице, а мы все, четыре женщины - мать, сёстры (перечисляю в порядке старшинства, с разницей в 2-3 года): Арина, я и Ольга - работали на земле. Днём - пололи, косили, жали, молотили, а вечерами, особенно в субботу и воскресенье, на Ковалёвке, нашей улице, а ещё точнее, у нашей хаты, за воротами, соби-ралась молодёжь, зажигательно играли гармошки, танцевали, пели, дурачились, парни провожали девушек... Мы были здоровы, молоды, ловки в работе, сильны и красивы! И мы почти не думали о войне, хотя бомбёжки и залпы орудий со стороны Унечи (райцентр) глухо доходили до нашего села...

Но однажды всё резко пере-менилось.

Стояли солнечные и сухие августовские дни - лучшая пора жатвы и молотбы, как вдруг за-ходит к нам староста и обра-щается к отцу:

- Павло, готовь свою дочку Наталью в Германию на немцев рабать...

Заголосила стоявшая у печки мать, молча опустил голову отец.

- Одну мою дочку угоняют?

- Да не... Усих хлопцев и де-вок 1925-26 года забирают...

Испуганная, я выскочила из хаты в огород, и рыдания со-трясали мою грудь, отчаянные охватило меня всю...

На следующий день нас, всех угоняемых, собрали на медос-мотр. Немец заглядывал в глаза, в открытый рот...

И вот нехитрые сборы: хол-щовый мешок, сухари, кружка, кой-какая одежка на случай холода... и слёзы матери, сес-тёр и хмурое лицо отца...

До Унечи доехали на подво-

дах, а там нас ждал товарняк. В одном вагоне-телятнике мы, де-вушки, в другом - парни. Нас, девчат, было около 30. Ехали медленно, с длительными стоян-ками, дверь - на замке. По утрам нас выводили из вагона справить наши естественные потребно-сти, иногда на станции, но чаще посреди поля, и происходило это на глазах у немца-надзирателя, стоявшего метрах в 15 от «от-хожего» места. А когда поезд шёл, мы то пели, то плакали, то вдруг находила такая блажь, что пускались в пляс по вагону, то-пали, кричали. А кто-то из деву-шек вырезал в двери дырки, и тогда по очереди мы жадно смот-рели в них на родную землю,

куда-то вышли... Вот оно, кар-тофельное поле! Ботва высокая, укроет! Мы залегли в глубокие борозды и решили дождаться ве-чера, чтобы идти дальше. Лежим, а сами глаз не спускаем с моста, нет ли погони. И вдруг - немцы с собаками... они идут к мосту.

Мы прижались к земле и не смели поднять головы. Ползти мы не могли, иначе шевелящая-ся ботва выдавала бы нас. Немцы шли по железнодорожному по-лотну, а оно было так близко от нас... Моё сердце гулко колоти-лось в груди. Минуты казались часами...

Но вот кто-то осмотрелся.

- Девки, немцев-то нема!...

Дождавшись темноты, мы уп-

то знакомое показалось мне в его лице.

- Нет, немного дальше... в Брян-Кусти-чи...

- О! Мы были в этом селе, и нас угощали там мёдом!

- Так это ж я вас угощала мё-дом! - радостно закричала я.

Теперь я его узнала. Конеч-но, это были они, партизаны! И это был он! Тот парень, кото-рого с двумя другими отец мне приказал покормить мёдом в один из поздних вечеров, когда они зашли к нам и попросили поесть. Пасека в селе была толь-ко у моего отца.

И этот парень, высокий, кра-сивый, голубоглазый, улыбул-ся нам и сказал:

- Девочки, идите вон в ту хату. Там вас накормят...

Хлебобосольные хозяева накор-мили нас борщом с мясом и кар-тошкой, узваром, а наутро мы отправились в путь.

До родного села мы шли 9 дней и ночей... И вот уже знако-мые перелески, пригорки и поля, издали видна и моя улица, и мой дом, но... стоп! Надо по-ждать, пока опять стемнеет, немцы ещё «хозяйничают» в селе, нельзя, чтобы кто-нибудь нас видел! Еле дождалась я это-го часа! Крадучись, пробираю-сь в сенцы - тихо. Притаилась, жду. Наконец появляется на по-роге сестра Ольга. Увидела меня. «Ах!» - вырвалось у неё. Я ей закрыла рот рукой.

- Не бойся, дома только свои... - проговорила она.

Я врываюсь в дом. Мать, уви-дев меня, поблдевала, оцепене-ла, потом бросилась ко мне, заплакала, обняла... отец помор-гал глазами и тихо произнёс:

- Татьяна, давай скорее на стол... ставь... я сейчас мёду принесу...

За ужином мать рассказала, что в день моего возвращения она ходила к гадалке, и та по картам определила:

- Наталья твоя где-то очень близко...

...Несколько дней и ночей я провела то на чердаке, то в са-рае... но приближался сентябрь, немцам было «жарко», их гна-ли с нашей земли, и им было не до нас, беглянок.

Наши войска пришли недели через две. Мы плакали от сча-стья.

Наталья ГУЛЯ Из воспоминаний

ПОБЕД

В РОДНЫЕ

БРЯНОВЫ КУСТИЧИ

прощаясь с ней.

И вот город Жлобин в Бело-руссии. Как всегда, нас утром вывели из вагона, мы даже не-много подышали свежим возду-хом, и я уже направилась к сво-ему вагону, как вдруг вижу: де-вчата одна за другой ныряют под вагон. Я всё поняла... что делать мне? Бежать? А вдруг пристре-лят? В голове звенит, в глазах - туман... Где немец? Оглянулась - его нет, и какая-то не удержи-мая сила потянула меня под ва-гон, и я побежала за девочками...

Вот мост через Днепр. В вос-кресенье крестьяне едут на под-водах на базар... мы к ним: «По-могите, подвезите, мы убежали, нас угоняют в Германию...» - но никто нас не взял: белорусы зна-ли, как немцы жестоко расправ-ляются с ними, им, конечно, было страшно.

Бежали тогда не все, а 11 де-вушек. Разбившись на группы, мы разбрелись в разные сторо-ны, стараясь закоулками выйти за город.

Теперь нас было четверо, и все наши, брян-кустичские... мы

росили одного деда, сидевшего на берегу Днепра, перевезти нас на лодке на другой берег. Согла-сился, пожалел нас, несчастных, грязных и голодных. Спасибо тебе, добрая душа, пусть будет покойно тебе на небесах!

...И опять мы идём, нас четве-ро, глухими деревнями, дорога-ми, по которым не ступал не-мец. Расспрашиваем у людей, где находимся, как короче пройти до Унечи, где стоят немцы, про-сим поесть... и нас кормят, дают с собой молока и хлеб, иногда мы делимся на пары и идём по-рознь, боясь предательства и по-гони.

И вот в одной из деревень ви-дим: топится баня у дороги, вок-руг неё - мужики. Мы знали, что здесь немцев нет, и подошли к ним. Завязался разговор.

- Куда вы идёте, девчата? - спросил пожилой мужчина.

- В Унечу...

- Откуда? Устали, еле на но-гах стоите...

- Да бежали мы от немцев.

- Так вы в Унечу идёте? - вдруг спросил один парень. Что-